

ЭКСПЕДИЦИИ

Экспедиция на Карельский берег Белого моря

В рамках выполнения комплексного междисциплинарного проекта «Природное и культурное наследие островов Белого моря» (ФЦП «Интеграция») топонимическая экспедиция Института языка, литературы и истории (ЯЛИ) Карельского научного центра РАН второй год работает на Карельском берегу Белого моря – самом северном в границах Карелии участке побережья. Карельское Поморье – это район давних и прочных межэтнических и межязыковых связей, отчетливо проявляющихся в здешней топонимии. Карельская по происхождению, а во многих случаях и бытованию топонимия соседствует с русской (поморской), которая складывалась в результате новгородского, а затем и московского освоения Поморья. Сюда, в западное Беломорье, выходили важнейшие транзитные водные и водно-волоковые пути с запада и юга, рано освоенные карельскими и русскими переселенцами, тесно соприкасавшимися здесь с местным саамским населением. Об активности этих контактов свидетельствует плотный пласт топонимов с саамскими истоками на территории Карельского Поморья.

В июне 2004 г. экспедиция работала в шести населенных пунктах современного Лоухского района (в поселке Чула, рудниках Малиновая Варака и Хетоламбина, в деревнях Нижняя Пулонга, Нильмозеро, Нильмогуба), а также в поморской деревне Поньгома Кемского района.

Экспедиции предшествовала подготовительная работа в Национальном архиве Республики Карелия. В ходе ее были просмотрены материалы колхозных фондов за 1931 и 1951 гг. Наиболее интересными оказались списки сенокосных и рыболовецких угодий, находившихся в окрестностях деревень Черная Река, Калгалакша, Поньгома, Летняя Река, села Кереть и города Кемь, расположенных вдоль побережья Белого моря. Было выписано около 500 географических названий. Кроме этого, были использованы материалы Архангельского областного архива, которые содержат около 100 топонимов в окрестностях села Кереть и деревни Черная Река, зафиксированные в 1876 г. Данные материалы были проверены и уточнены в ходе полевой экспедиции.

Материал собирался по специальной программе, разработанной в Институте ЯЛИ. Для сбора использовались топографические карты масштаба 1:25 000 и 1:50 000, позволяющие осуществлять привязку топонима к местности.

В ходе экспедиции было опрошено 48 человек. Записано около 1 тыс. топонимов, половина из них нанесена на карту. Приблизительно одна треть названий записана от русского населения села Кереть и деревни Поньгома, остальные от карельского населения, которое проживало в деревнях Чула, Верхняя Пулонга, Нижняя Пулонга, Нильмозеро, Нильмогуба, Воронская, Нижнее Котозеро и Соностров, находившихся на побережье Белого моря или в непосредственной близости от него. Из десяти вышеупомянутых населенных пунктов сейчас существует только пять, при этом два из них заселены только в летний период. Было записано 9 магнитофонных кассет по 1,5 часа звучания каждая, содержащие топонимический материал на карельском и русском языках.

Кроме этого, удалось зафиксировать ряд новых, ранее не попадавших в поле зрения исследователей географических терминов, таких как *нилакса* ‘подводная гладкая скала’ в русском Поморье и *kemi* ‘сухое, песчаное возвышенное место’ в карельском. Были записаны также родовые предания о первопоселенцах некоторых деревень.

Сейчас полевой материал расшифровывается и расписывается на карточки, а также заносится в компьютерную базу данных, которая создается в секторе языкознания. Расшифрованные кассеты будут переданы для хранения в Фонограммархив Института ЯЛИ.

Далее приводятся некоторые наблюдения историко-культурного характера, сделанные на основе первичной обработки собранной топонимии.

Полученные топонимические данные свидетельствуют, что в формировании населения исследованного нами региона принимали участие представители разных этнических групп. Наиболее древним из достоверно определяемых пластов топонимии является саамский. Некоторые названия саамского происхождения легко этимологизируются и сейчас: ср. остров *Котков* (карел. *Kotkovasuari*), перешеек *Медвежий Коткуй*, полуостров *Кузокотка* из саам. *guotko* 'узкий перешеек'. На проживание здесь саамов указывает, возможно, название залива *Ланина губа* (из карел. *lappi* 'саам, лопарь?'). Саамские истоки имеют также некоторые озерные и речные наименования этой территории: р. *Сона*, оз. *Сонозеро* и *Соностров*, *Нильмозеро* и *Нильмогуба*, оз. *Куарнисъярви*, горки *Чокка* в Сонострове и *Кивичокка* в Нильмозере, мост *Чоккасилта* в Чупе (в основе – саамское слово *čohka* 'горка') и др.

Считается, что начиная с XIV в. на смену саамскому населению приходит карельское. Недаром территорию вдоль побережья Белого моря от д. Гридино на юге до Черной Реки на севере, у границы Карелии и Мурманской области, традиционно называют Карельским берегом. Однако целый ряд исторических свидетельств, подтверждаемых и данными топонимии, говорит о том, что многие карельские поселения этой территории являются довольно поздними по времени возникновения.

Так, Чупа (сейчас поселок и станция Мурманской железной дороги) возникла, по свидетельству наших информантов, в 1917 г. Первым поселенцем был белорус по имени Филипп (дом получил название *Hilippälä*), женившийся на карелке из Ухты. Семья переселилась из д. Кереть, расположенной здесь же, на Карельском берегу, непосредственно на морском побережье. Эти сведения получены от их сына, Константина Филипповича Софронова (р. 1923), карела. Карельская деревня Нильмозеро появилась, по рассказам информантов, в 1860-х гг. Ее первопоселенцами были Артемий Васильевич Лангуев из д. Большое Озеро, располагавшейся в окрестностях старинного карельского села Кестеньга, и его жена Евдокия Варламовна. Следующим поселился Клементий Павлович Липаев из олангской деревни Лайдасалма. О недавнем основании деревни свидетельствует карельский вариант названия *Uusikylä* (букв. «новая деревня»), а также коллективное прозвище жителей деревни *новоселы*. Деревня Нильмогуба, расположенная в 8 км севернее Нильмозера, была основана в 1912–1913 гг. карелом Филиппом Ивановым, который переселился из кестеньгской деревни Елетозеро в Нильмозеро, а затем переехал с семьей в Нильмогубу. Основателем деревни Верхняя Пулонга был карел по фамилии Лангуев, прибывший из села Кереть на рубеже XIX–XX вв. Родом из этой же деревни был Агапит Лангуев, основавший деревню Нижнее Котозеро. Первыми жителями деревни Соностров были Андрей Тимофеевич Кемов из Кестеньги и Иван Григорьевич Сергеев из Елетозера. Возникновение деревни относится к 1912 г. Основателями и первыми жителями деревни Воронской были Кемовы из Кестеньги, которые поселились здесь в 1914 г. При этом, однако, следует иметь в виду, что д. Воронская упоминается в письменных источниках уже в 1591 г., причем как саамское поселение Воронье Озеро.

Образование этих деревень происходило на фоне Столыпинской реформы. Социально-экономическими предпосылками было отсутствие свободных земель в материнских деревнях, вызванное ростом семей на рубеже XIX–XX вв. Жители новых поселений были выходцами из четырех карельских волостей – Кестеньгской и Олангской, располагавшихся на самом севере современной Карелии в глубине материковой территории, и Вычтайбольской, которая находилась к югу от исследуемого региона, между морским побережьем и Кестеньгской волостью, а также прибрежной Керетской волости, где проживало как русское, так и карельское население. Фактором, привлекавшим новых жителей на карельское побережье Белого моря и прилегающие к нему территории, было, очевидно, строительство Мурманской железной дороги. Надо, однако, принимать во внимание, что по крайней мере часть отмеченных новых карельских поселений возникла на местах, которые, судя по данным исторических источников, были освоены в предшествующие века. К примеру, в Писцовой книге 1574 г. в Керетской волости существовал погостипшко Чюпа в Чюпской губе над ручьем, состоящий из 7 дворов, в которых проживало 10 человек [см.: Малышев, 1981, 13].

В окрестностях всех русских деревень Карельского берега Белого моря фиксируются многочисленные названия карельского происхождения: ср. залив *Мяндова губа* (карел. *mändy* 'сосна'), *Кивгуба* (карел. *kivi* 'камень'), *Палнаволо* (карел. *palo* 'выгоревшее место'), пролив *Каясалма* (карел. *kaita*,

ген. *kaijan* ‘узкий’ + *salma* ‘пролив’), *Гонгостров* (карел. *honga* ‘сосна’), *Шонгостров* (карел. *šonka* ‘самка лосося’), *Хедостров* (карел. *hieda* ‘песок’), Леппозеро (кар. *leppä* ‘ольха’) и др., свидетельствующие о былом карельском прошлом территории.

В русской топонимии села Кереть отмечены некоторые топонимные модели, которые не свойственны в целом русской топонимии Северо-Запада. Есть основания предполагать, что русские топонимы являются кальками традиционных карельских топонимных типов. Среди таких показательных примеров мыс и озеро *Гремяха*, в основе которого можно предполагать карел. *Törisevä «гремящий», или *Вонючая губа* и *Вонючее озеро* – возможно, перевод карел. *Haiseva – «плохо пахнувший». В карельской топонимии Беломорья обе топоосновы входят в число продуктивных. Эти и подобные им примеры могут рассматриваться в контексте средневекового карельского освоения Беломорского побережья.

Об ассимиляции карельского населения говорят современные поморские фамилии (*Келеваев*, *Коргуев*, *Кутчев*, *Микков*, *Таскаев*, *Тиммиев*, *Тяттиев*), восходящие к карельским антропонимам, а также целый ряд слов, используемый местным русским населением, например, *кортеха* ‘трава’ (ср. карел. *korteh* ‘хвош’), *кярчя* ‘рыба бычок’ (ср. карел. *kärččä* ‘ерш’), *луда* ‘отмель с выступающими над поверхностью воды камнями’, *корга* ‘подводная отмель’, *варака* ‘поросшая лесом гора’ (в топонимии горы *Коровья Варака*, *Белые Вараки*) и др. Среди них и уже упоминавшийся выше апеллятив *нилакса*, распространение которого связано с продвижением карел из Приладожья. Карельским говорам северного Приладожья известен географический термин *nilas* или *nilos* (основа *nilakse/-nilokse-*) со значением ‘подводная или омываемая водой скала’. Ареальная характеристика топонимов с основой *Nilas-/Nilos-* (рис. 1) свидетельствует о том, что они проникают в Поморье по водно-волоковым путям, которые использовались карелами в Средневековье. В Поморье известны скалистые отмели *Киберинские Нилаксы* в районе Керети, остров *Курья Нилаксы* в окрестностях города Кемь, порог *Нилаксы* в Нюхче.

На основе полученного материала можно проследить и разные этапы освоения Беломорья русским населением. Например, зафиксированные здесь названия островов, оканчивающиеся на *-иха* (*Водохлебиха*, *Каржничиха*, *Мартыниха*, *Столбиха*, *Коккоиха* и др.) свидетельствуют, скорее всего, о московско-суздальской средневековой колонизации. Особенно интересен среди них последний топоним, где топоформант *-иха* присоединяется к основе карельского происхождения (ср. карел. *kokko* ‘орел’).

С новгородской промыслово-торговой колонизацией принято связывать названия с формантом *-щина*. Центром распространения названий этого типа в Карелии является северное Заонежье, откуда затем, с вероятным оттоком русского населения на север вдоль транзитных путей в Поморье, модель проникает в окрестности деревень Летняя Река (позня *Марковищина*) и Калгалакша (губа *Перговищина*).

В контексте русского освоения Беломорья показателен тот факт, что в карельской топонимии региона активно используются воспринятые от проживающего на смежной территории русского населения характерные топонимные модели и элементы, в частности русская географическая терминология. Ср. порог *Kuivaporoška* (ср. рус. *порожек*) в Нильмагубе, заливы *Kivikupa*, *Pimiekupa*, *Suvikupa*, *Savikupa* в Сонострове, в которых выступает усвоенный из русских говоров термин *губа*, берег под названием *P’ossa* (ср. рус. *пес*) в Сонострове. Топонимия окрестностей Сонострова позволяет с уверенностью говорить о том, что карельское поселение возникло на территории, которая входила в сферу русского поморского влияния, поскольку топонимы карельского происхождения концентрируются вокруг деревни, в то время как наименования многих лесных урочищ и водных объектов имеют русские истоки.

Топонимия свидетельствует в пользу того, что интересы традиционного русского населения – поморов – распространялись прежде всего непосредственно на морское побережье, тогда как карелы активно заселяют внутренние территории. Это касается прежде всего позднего (на рубеже XIX–XX вв.) карельского освоения, когда сюда проникает население из карельских Кестеньгской, Олангской и Вычетайбольской волостей. Показательно, что сегодняшние информанты не считают территорию побережья Белого моря исконной карельской территорией.

Последний вывод корректен для позднего времени. Что же касается Средневековья, то наши материалы указывают на то, что морское побережье привлекало внимание как русского, так и карельского населения, доказательством этого являются достаточно древние русские и карельские топонимные модели на побережье.

Рис. 1. Ареал распространения топооснов *Nilos-/Nilas-/Nila(n)-*

Кроме топонимии и географической лексики, в экспедиции записывались антропонимы и зоонимы. Удалось, например, зафиксировать ряд кличек домашних животных, в том числе оленей, см.: *Pyhikki* (корова, которая родилась в воскресенье), *Tyrikki* (низкорослый конь), *Mučči* (собака с черной шерстью), *Nieklasarvi* (олень, у которого недостаточно ветвистые рога), *Kondie* (крупный олень) и др.

Собранный антропонимический материал свидетельствует о том, что переселявшиеся во второй половине XIX – начале XX в. из Кестеньгской округи карельское население принесло с собой давнюю традицию наименования домов с использованием прибалтийско-финского суффикса *-la/-lä/-l'a*. Последняя была утрачена к тому времени карелами соседней Вычтайбольской волости, поселения которой имеют более длительную историю. В качестве антропонимических основ в подобных названиях выступают карельские варианты мужских православных имен, см.: *Ort'i'ol'antalo* (*Ort'i'o* < рус. *Аптеми́й*), *Ontippal'antalo* (*Ontippa* < рус. *Антон*), *Teppol'antalo* (*Teppo* < рус. *Степан*). Интересно при этом, что данная модель традиционно применялась при номинации самых старых домов деревни. По мере разрастания семей и строительства новых домов, модель с формантом *-la/-lä/-l'a* уже не использовалась. Подтверждением этого являются, например, наименования домов в д. Нильмозеро, где из двадцати двух зафиксированных названий *l*-вым суффиксом оформлены только шесть, которые и относятся, по всей видимости, к домам первопоселенцев. Как видно из рис. 2, названия домов с *l*-вым суффиксом

отсутствуют также в Северном конце деревни (карел. *Pohjoispiä*), т. е. в той части поселения, которая появилась значительно позже, именно в результате деления больших семей и оттока населения на новые места проживания.

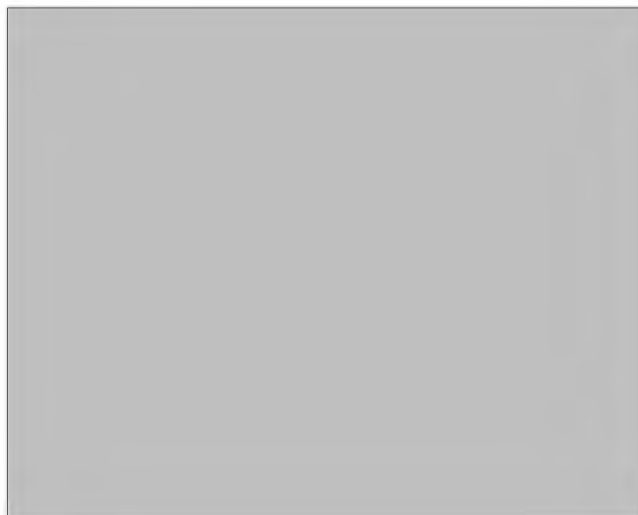

Рис. 2. Ареал распространения названий домов с /-вым суффиксом

В следующем году работы на Карельском берегу Белого моря, а также прилегающем к нему с юга побережье в границах Республики Карелия будут продолжены.

Мальцев Г. В. Лоухи. Петрозаводск, 1981.

Д. В. Кузьмин, канд. филол. наук, мл. науч. сотр. Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск),
О. Л. Карлова, канд. филол. наук, ст. преп. кафедры карельского и вепского языков Петрозаводского государственного университета

К изучению топонимии Онежского полуострова

В августе 2004 г. была совершена повторная экспедиция на Онежский полуостров с целью фронтального сбора топонимии и лексики региона. Последний раз топонимическая экспедиция Уральского государственного университета им. А. М. Горького была здесь в 1994 г. В этот раз работа проводилась в Тамицком (с. Тамица, д. Кянда), Верхнеозерском (д. Нижмозеро, пос. Маложма), Пурнемском (с. Пурнема, д. Лямца) сельсоветах Онежского района Архангельской области (юго-западная часть полуострова).

Освоение Онежского полуострова новгородцами начинается с XII в. Новгородцы не были перепоселенцами на Онежском полуострове, здесь они встретились с финно-угорскими племенами. В монастырских записях XVI в. говорится о совместном проживании русских с «корелой». Еще в начале XX в. перепись указывает на существование в этих местах немногочисленного карельского населения, позднее полностью исчезнувшего.